

НЕВИДАЛЬ
для
Эдуарда
ТРАФОВА

САТИРА — ЭТО ПРИЮТ ТОСКИ

Мои «встречи» с Ильей Арнольдовичем Файнзильтбергом (в миру — Ильф) носили некий мистический характер.

Первая же — и вовсе конспиративный. Причем «явка» расположилась прямо в тогдашнем Доме правительства («Дом на набережной»). Я родился и вырос в хибарке рядом с этим гигантским узилищем для партийно-правительственных обреченных.

Мы туда зашли с моей незабвенной тетей Еленой. У нее там жила подруга, жена настолько вождя, что позволяла себе держать на этажерке непозволительную литературу. Даже Есенина и Достоевского. А у меня была репутация «читающего мальчика».

Тетя Леля, отвлекшись от судачения с тетей Еленой, вдруг сказала, внимательно поглядев на меня: «Подарю-ка я тебе книгу, она тебе пригодится. Только не надо ее никому показывать». И подарила.

Книга мне тут же совершенно не пригодилась: бумага серая, шершавая, шрифт мелкий, ни одной картиночки. Да и возраст у меня был — «уже десять, скоро одиннадцать». Я вообще не понял, чего там такое написано. И засунул эту ерунду куда подальше от «Острова сокровищ» и «Трех мушкетеров».

Называлась книга — «Золотой теленок».

Прошло всего несколько лет. Повзрослел не только я, но и взрослые. Они легализовали и опять издали оба восхитительных романа. Причем сначала вторую книгу — «Золотого теленка». Видимо, «12 стульев» показались пока еще более запретными.

Как бы поточнее объяснить, чем эти книги стали для нас? Например, мы с Левкой Никифоровым (семь лет на одной парте) в 9 и 10 классах разговаривали друг с другом исключительно текстами из Ильфа и Петрова — фразами и даже целыми абзацами. Мы знали эти книги буквально наизусть. Видимо, именно поэтому Левка стал заведующим огромной кафедрой в МГУ.

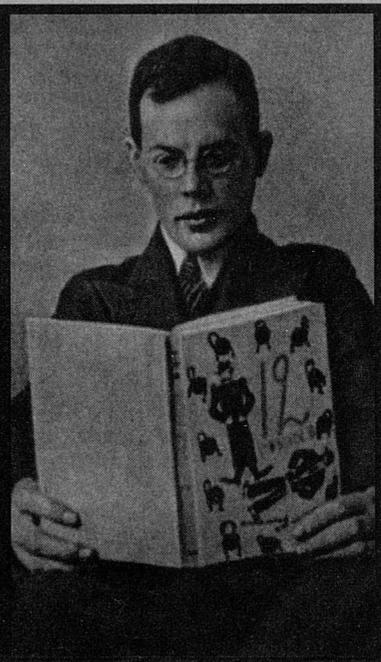
Следующая моя встреча с Ильей Арнольдовичем носила уж совсем конспиративный характер. Чего-то на уровне распространения прокламаций. Кто-то из взрослых рассказал, что вроде бы изданы и «Записные книжки» Ильи Ильфа. И ухмыльнулся: «Да где ж их достанешь? Секретная литература!» Но ведь была «Ленинка» с ее могучим книгохранилищем. И мне выдали эту притаившуюся там от людских глаз книгу. Я знаю, что еще Пушкин не без оснований сказал: ленивы мы и нелюбопытны. Но тут я порушил привычный канон и самым неленивым образом переписал значительную часть «Записных книжек» в школьную тетрадь. Получилось как бы «избранное».

И тетрадь пошла по рукам. К чтению были приобщены и наиболее любимые учителя, которым тоже неведома была эта книга. Что, естественно, дошло до директрисы, кавалера Ордена Ленина Надежды Константиновны.

Она вызвала меня к себе в кабинет, прикрыла дверь и, заговорщически похотывая, зашептала: «Ты допрыгаешься!» Но тетрадь вернула. И уже в распахнутую дверь, вслед мне, неестественно громким голосом сказала, как бы замечая следы: «Чтоб в субботу был на субботнике!»

Эта тетрадка стала на многие годы моим любимым у Ильфа чтением. Ну, например, эскиз времени: «Полк на параде и впереди командир на извозчике». Или росчерк горя: «Кому вы это говорите? Мне, прожившему большую интересную жизнь?». Изданная книга все-таки потом «ушла в народ». Многие фразы из нее оказались ходовыми: «Кина не будет!», «Горы меня душат!», «С таким счастьем и на

Вот мы и дожили до 100-летия классика литературы Ильи Арнольдовича Ильфа, который понимал: «Жить на такой планете — только терять время»

Вс. Москва. — 1997. — 150 кт. — с. 8.

свободе!». Они стали поговорками, так сказать, народная мудрость в лице Ильи Арнольдовича Ильфа. Когда мне становится невыносимо и совсем непонятно, как, например, сегодня, я выскребаю из памяти задумчивое: «По-моему, в зоопарке некоторые звери сумасшедшие». И все непонятное становится понятным. Так сказать, объяснимым.

И наступил момент, когда я «увидел» Илью Арнольдовича. В дверях моей квартиры раздается звонок. Иду, открываю. В проеме стоит он. Все точно, чеканный подбородок, на печальных глазах могучие очки. Это был Ильяша, внук, рожденный мамой Сашей под копирку в деда. Внук учился с моим внуком в одном классе. Впрочем, и сама Сашенька Ильф, соседка по дому, — вылитый отец. Мы с ней подружились, и, должен вам сказать, природа на этих детях не отдохнула. Из отцовского характера Саши мне многое стало виднее в Илье Арнольдовиче. Если коротко — умны, несуетны, корректны. По пустякам не ироничны.

А может, последнее и было причиной запрещенности — не по пустякам! Хотя при этом замечательные романы нравились вполне проверенным людям — Горькому, Маяковскому, Толстому, правда, Алексею. Но со временем романы все-таки допустили к людям и даже стали их хвалить. Однако как хвалить!

Я внимательно прочитал предисловие Д. Заславского к прекрасному пятитомнику (1961 год). Был такой кремлевский дегустатор по части сатиры. Чтобы вы поняли мерзопакость этого официозника, приведу восхитительную цитату: «На некоторые слабые стороны романов указывали в свое время доброжелательные критики». То есть настолько «доброжелательные», что романы на долгие годы упрятали под замок.

А вы знаете, почему, оказывается, народ полюбил Ильфа и Петрова, почему они по душе пришлись? А вот почему: «Очень часто народ переносил свои страдания со смехом, с улыбками, с шутками». То есть просто обхохотывались все 30-е годы подряд. Особенно «страдали со смехом и улыбками» в колымских лагерях. Ну не гад?!

А вы полюбуйте умственной стилистикой похвал: «Они знакомились с жизнью, выезжая по редакционным командировкам». Это в «воронью слободку», что ли? Или роскошная метафора времен соцреализма: «Их романы возвышались литературным массивом». И за предел художественной образности: «Талант сатириков бил ключом!». Осталось только добавить: и все по голове!

Это же готовенькие перлы для «Записных книжек» Ильи Арнольдовича! А знаете, творчество некоторых тогдашних соратников Д. Заславского я воспринимал, как талантливейшие пародии. Вы полистайте романы Кочетова, пьесы Софронова. Они, сами того не подозревая, писали сразу блистательнейшие пародии на свои литизделия. Чуть-чуть сдвинуть угол зрения и обхохочешься под незапланированную беспощадность этих «сатириков». Что твои Ильф и Петров!

Нет, я вовсе не имею в виду, что эти два замечательных насмешника были антисоветскими писателями. Конечно, они были советскими писателями. А разве Михаил Михайлович Зощенко был антисоветским писателем? Отнюдь! Но, как говорится, талант всегда «протретплется». Они не нанизывали никаких бичующих фраз. Я бы сказал, они были бытописателями. То есть описывали жизнь, в которой пребывали вместе с нами. И объясняли: «Жизнь не такая простая штука, и надо быть готовым ко всему». Мы ведь даже пионеров предупреждали: «Будь готов!».

Илья Арнольдович умер не только от болезни, но и от тоски: «Ветер, ветер, куда деваться!». А сатириком был, потому что ненавидел опасных для хрупкого человеческого счастья людей. И умел об этом жестко сказать: «Пусть комар поет над его могилой».

Зато умел и ласково, но не без усмешки любить: «Путаясь в соплях, вошел мальчик».